

Моим родителям — отцу Борису Константиновичу Шеру и маме Капиталине Ивановне Шер посвящаю...

СКАЗОЧНАЯ ПРОГУЛКА

Был обычный зимний, слегка морозный вечер. Мы с родителями пошли провожать домой мою подружку, которая после садика гостила у нас. На улице шел снег, ветра не было, и поэтому снег медленно кружился и падал на нас крупными хлопьями. Снежинки были такие большие, что можно было рассматривать их рисунок. Пройдя немного по улице, нас остановила мама и, обращая наше внимание на причудливые узоры природы, сказала:

— Взгляните, это Дед Мороз присылает вам привет из своего далекого, зимнего царства и каждый привет в виде снежинок не похож друг на друга.

Мы охотно в это поверили и принялись с большим интересом и любопытством разглядывать снежинки, а потом, показывая их друг другу, торопливо говорили:

— Смотри, какой большой-пребольшой и красивый привет прислал мне Дедушка Мороз,— восхищалась я, поднимая рукав своей шубки к самому носу, пыталась более внимательно рассмотреть снежные узоры.

— Ага, очень красиво! А смотри, что мне прислал Дед Мороз! — радостно проговорила моя подружка, показывая нам с мамой свою варежку, на которой лежали снежинки.

Нас очень увлек мамин рассказ о Деде Морозе. Мы стали пытаться поймать на лету как можно больше снежинок, вернее, приветов из северного царства. Мы подпрыгивали, бегали за снежинками, стараясь поймать самую крупную, пока та не коснулась земли. Так, веселясь, смеясь, кружась и ловя снежинки, мы продолжили свой путь. Чтобы хоть как-то нас утихомирить, мама решила переключить наше внимание.

— А теперь остановитесь и посмотрите вверх. Видите, как красиво мороз украсил каждую веточку дерева? — спросила она.

И, действительно, подняв голову, мы увидели сказочную картину: над нашими головами в свете фонарного столба блестел на ветках иней, а крупные снежинки, переливаясь на свету, блестели серебром и падали прямо на наши носы.

— Чтобы дерево не замерзло,— продолжала мама,— мороз одел его в красивую снежную шубу. А теперь, посмотрите, у каждого дерева свой зимний наряд.

И правда, взглянув на деревья вдоль улицы, по которой мы шли, нам и впрямь казалось, что мы идем по сказочной аллее в зимнее царство. Деревья склонили над тротуаром свои заснеженные, сверкающие инеем ветки, неторопливо падал снег, и это создавало иллюзию сказочной дороги во дворец к Деду Морозу. Мы немного успокоились, взяли друг друга за руки и дружной компанией — мама, я, подружка и папа — продолжили свой путь. А мама продолжала нам рассказывать о зимних чудесах Деда Мороза, о его внучке Снегурочке, и о том, как все вокруг сказочно красиво и чудесно. Так, не торопясь, слушая мамин рассказ, мы дошли до дома, где жила моя подружка. Перед тем как свернуть с дороги во двор папа спросил:

— А хотите, я сейчас попрошу Деда Мороза, чтобы он вас превратил на время в Снегурочек?

— Да, да, да! — дружно ответили мы, от радости подпрыгивая на месте и захлопав в ладоши.— А как это?

— Надо встать на волшебное место, вот сюда,— сказал папа и подвел нас на два шага в сторону под дерево.— Теперь закройте глаза и не подсматривайте, а то волшебства не получится.

Мы послушно встали, куда нас поставил папа, честно закрыли глаза и замерли в ожидание чуда. Папа произнес какие-то слова заклинания, какие именно я сейчас уже и не помню, но уж очень правдоподобные, как мне тогда показалось. Затем сказал:

— По велению и разрешению Деда Мороза я вас превращаю на время в Снегурочек! Но только на время! — уточнил он.

Мы продолжали стоять с закрытыми глазами, и я почувствовала, как моего лица коснулось что-то легкое и холодное, что именно — я не поняла, но глаза не открыла, боялась испортить процесс волшебства. Терпение наше было уже на исходе. Наконец папа сказал:

— Превращение в Снегурочек закончено, открывайте глаза!

Открыв глаза мы от удивления, какое-то время стояли молча, потому что мы действительно превратились в Снегурочек, так нам тогда показалось. Наша одежда вся была усыпана снегом, на головах были снежные шапки и даже на наших ресничках лежал снег. Я смотрела на подружку и видела в ней маленькую Снегурочку в белом наряде и со снежной короной на голове. Посмотрела на свою шубку, и к моему удивлению она тоже стала белоснежной. Нам с подругой тогда не было и пяти лет и все происходящее вокруг себя мы принимали за «чистую монету». Мир вокруг нас таков, каким мы его себе представляем в данный момент. А тут такой сказочный вечер, кругом красота и великолепие, ну как не поверить в волшебство?! Наивно веря в свершившееся на время превращение, мы с подругой медленно пошли в сторону ее дома, боясь делать резкие движения, чтобы как можно дольше побыть в волшебных, снежных нарядах Снегурочек. Родители как верные сказочные пажи шли за нами и подбадривали нас словами восхищения, умиления и одобрения. Когда мы подошли к подъезду, то увидели, что наши наряды изрядно потрепались. Снег с одежды в некоторых местах облетел, и мы уже не были похожи на Снегурочек в белом одеянии. Папа сказал, что время волшебства заканчивается и нам снова надо превращаться в обычных, послушных девочек. Мы неторопливо и неохотно отряхнули с себя снег, намеренно стараясь затягивать момент нашего возвращения из сказки. И вот мы снова обычные

девочки. Подружка вернулась домой, а я крепко взяла родителей за руки, и мы пошли домой, по пути снова и снова наслаждаясь сказочной прогулкой.

Ах, сказка-сказка-сказочка, как приятно и радостно хоть на мгновение почувствовать себя сказочным героем, поверить в чудо, погрузиться в волшебный мир и увидеть окружающую тебя действительность совсем другими глазами. Пока мы маленькие, то смотрим на мир глазами родителей и без всяких сомнений впитываем все, что они нам говорят. Поэтому так важно дарить своим детям любовь, радость, показать им как прекрасен этот мир. И если родители любят друг друга, любят своего ребенка и других детей, любят жизнь и радуются каждому дню, видят окружающую их красоту, то они этой своей любовью смогут дать ребенку тот положительный заряд энергии и счастья, который он будет хранить в своей жизни многие и многие годы.

Мои родители умели смотреть на мир глазами ребенка, могли видеть вокруг себя красоту, радоваться жизни, показать свое позитивное восприятие жизни. А самое главное, они могли одарить окружающих их людей своим терпением, уважением и любовью.

ПЕРСПЕКТИВА

Зима — отличное время года для детских забав: лыжи, коньки, санки, горки, снежки! Все это вспоминается с нежной ностальгией по счастливому детству. Раньше, как мне кажется, зимы были настоящими, снежными, слегка морозными, а гулять по такой погоде было одно удовольствие. Родители закачивали меня с раннего детства, гулять отправляли, не кутая, в комбинезоне, главное, чтобы снег никуда не попадал, и я могла бы от души валяться в снегу, не боясь попадания снега под одежду.

Я очень любила по выходным с папой кататься с горки на санках. Горка была крутая и длинная, кататься с нее я не боялась, но при каждом спуске у меня захватывало дух. Мне очень хорошо запомнился самый первый раз, когда мы с папой пришли кататься с этой горки. Мне было четыре года. В городе Советске, где мы тогда жили, за Домом культуры, в котором работал папа, была дорожка, по которой люди через парк спускались к реке. Когда спустишься к реке и посмотришь в сторону ДК, то мне в детстве казалось, что папина работа находится на высокой горе, а эту гору люди использовали для массового катания на санках. Когда у папы выдавалось свободное время, мы брали санки и шли на горку. Меня одевали в мой любимый комбинезон, а папа надевал лыжный костюм, который у него сохранился еще с довоенных времен и очень подходил для катания с горки. Я удобно устраивалась на санках довольная и счастливая в предвкушение, как сейчас говорят — экстрима, ехала, смотря на папину спину, и думала, что с таким папой мне ничего не страшно.

В самый первый раз страшно-то мне, конечно, было. Когда мы впервые поднялись на горку, я увидела детей и взрослых, весело усаживающихся на санки, а затем с визгом и радостным смехом скатывающимися вниз, и там, вдали у реки, превращающимися в маленькие, еле различимые темные точки на белом снегу. От такой картины у меня перехватило дух. Папа, видя мои широко открытые глаза, то ли от ужаса, то ли от испуга, то ли от страха, успокаивал и подбадривал, стараясь вселить в меня уверенность, что ничего страшного нет, и я не должна трусить, а должна воспитывать в себе силу воли и умение преодолевать страх. Мне очень хотелось съехать с горки, но я боялась, что там внизу у реки я превращусь в маленькую черную точку, как все, кто съезжал с горки, но папе я об этом не сказала. Преодолев страх, крепко взяв папу за руку, пошла к отправной точке своего нового, непонятного для себя путешествия в уменьшение. Папа поставил санки, сел в них, укрепился ногами и посадил меня впереди, крепко обхватив своими надежными руками. Мы оттолкнулись и

покатились. Порывы воздуха и снег из-под санок били в лицо, сбоку мелькали деревья, а люди, которые были внизу у реки маленькими, вдруг быстро вырастали. Когда остановились санки и я осмотрелась вокруг, то ничего необычного не увидела. Все люди как люди, но зато наверху горки все, кто только что стояли рядом с нами, в один миг стали крохотными человечками. Вот здесь я уже не выдержала и задала папе вопрос: как так получается, что люди очень быстро уменьшаются, а потом снова вырастают? Я стояла и рассуждала, по какому волшебству происходит такое превращение? Папа улыбнулся и сказал:

— Интересный вопрос, и как бы мне тебе объяснить, что это не волшебство, а обыкновенная перспектива.

— Что, что? — переспросила я.

— Пер-спе-кти-ва,— по слогам повторил папа и добавил,— но это тебе пока еще ни о чем не говорит.

Папа снова улыбнулся, нежно потрепал меня за макушку, взял за руку, и мы начали свое восхождение на горку, по пути он мне очень интересно рассказывал и показывал, что такое перспектива. Конечно же, я не запомнила такого для себя мудреного слова, но отлично поняла, что с горки я могу спокойно кататься и не бояться никаких превращений, и уяснила, что чем дальше от меня люди, деревья, дома, тем они меньше. Мне стало очень легко и хорошо, все встало на свои места, страх превращения в уменьшение улетучился, а катание с горки превратилось в сплошное удовольствие.

Мы вновь и вновь поднимались на горку, садились на санки, скатывались и опять поднимались, и снова скатывались. Ах, какое это было счастье для меня, не думая ни о чем страшном, в папиных крепких руках катиться с горки, а потом вроде бы как ненароком свалиться с санок в сугроб и барахтаться там, будто бы никак не получается подняться.

Домой я возвратилась счастливая, довольная, в приподнятом настроении и с радостной улыбкой на лице. В коридоре, который был очень просторным, нас встречали мама, бабушка и дедушка. Всех интересовал вопрос: понравилось ли мне кататься с горки? И я, пока снимала с себя комбинезон, взахлеб рассказывала о своих впечатлениях, о том, что «ух, какая горка!», и о том, что мне все очень понравилось, и ни чуточки не страшно было кататься с такой крутой горки. А самое главное, что все люди как люди, никто не стал маленьким, а это просто какое-то странное слово. Повернувшись к папе, я попросила:

— Папа, скажи им, пожалуйста, ну как это называется, когда все вдалеке становится маленьким.

Все перевели вопросительный взгляд на папу. У папы был слегка удивленный, но довольный вид, его очень порадовало то, что я, хотя и не запомнила само слово «перспектива», зато поняла его значение. Папа нежно посмотрел на меня, а потом, подняв указательный палец, гордо произнес:

— Пер-спе-кти-ва!

— Да, да,— подтвердила я.

— Да что ты ребенку голову забиваешь,— заворчала бабушка.

— Нет, бабушка, папа мне голову не забивал, я же в капюшоне была,— встала я на папину защиту.

Все дружно засмеялись. Мне было очень приятно находиться в центре внимания моей семьи, в атмосфере заботы, любви, понимания. Когда все насмеялись, мама сказала:

— Теперь пойдемте обедать, нас ждет вкусная еда, а к чаю сегодня шанежки, они получились просто «пальчики оближешь!»

Обед, действительно, был очень вкусным, впрочем, как всегда, но после прогулки на свежем воздухе и порции положительных эмоций я уплетала все за обе щеки. За обедом мы продолжили обсуждение нашего похода на горку и полученную мной новую информацию. Конечно же, я тогда не понимала всех заумных слов, которые говорили мне родители о перспективе, но где-то там, в подсознании, возможно, что-то из всего сказанного зацепилось и отложилось.

Эта новая информация пригодилась мне несколько лет спустя, когда папа учил меня фотографировать. Учил, как правильно надо выстраивать кадр, объяснял, что в данный момент мне важнее: показать первый план или дальний, то есть перспективу кадра я должна определить соотношением этих масштабов. И на удивление мне самой, я понимала, о чем говорит папа, и то, что требуется от меня при съемке. Видимо, та зацепившаяся в раннем детстве информация всплывала на поверхность моего сознания, давая возможность быстрее понять и усвоить, как использовать перспективу в фотосъемке. Но эта уже совсем другая история.

